

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 95

29 апреля 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи П. городского суда П. области М. от 21 марта 2025 года (вх. № ...) в отношении адвоката Л. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 04 марта 2026 года вынесла заключение:

1) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по обращению (частному постановлению) судьи П. городского суда П. области М. от 21 марта 2025 года (вх. № ...), в части доводов об умалении адвокатом в ходе рассмотрения судом уголовного дела № ... чести и достоинства государственного обвинителя, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по обращению (частному постановлению) судьи П. городского суда П. области М. от 21 марта 2025 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Л., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, 20 апреля 2026 года письменно уведомила Совет о получении заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие (вх. № ...). Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной

этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившейся адвоката Л.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с ее выводами.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

С 15 августа 2023 года в производстве П. городского суда П. области находилось уголовное дело № ... (...) по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. С 24 августа 2023 года защиту подсудимого Ж. по вышеуказанному уголовному делу на основании соглашения осуществляет адвокат Л., предъявившая суду Ордер от 24 августа 2023 года.... Приговором П. городского суда П. области от 21 марта 2025 года Ж. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 8 лет 10 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Из протокола судебного заседания усматривается, что адвокат Л., заявляя ходатайство об исключении ряда доказательств, в числе прочего заявила следующее: *«В соответствии ст. 88 УПК РФ прокурор в ходе судебного разбирательства уголовного дела по собственной инициативе вправе признать доказательство недопустимым и исключить его из обвинительного заключения. Однако, прокурор в настоящем судебном разбирательстве, получив те же самые сведения о незаконности и недопустимости как вещественных доказательств, так и производных от этих доказательств протоколов следственных действий и процессуальных решений следователя, о которых сторона защиты высказалась в настоящем ходатайстве, решений о признании данных и доказательств недопустимыми не принял и не исключил таковые из обвинительного заключения. Более того, прокурор, закончив представлять суду доказательства обвинения, продолжает настаивать на вышеуказанных доказательствах, как подтверждающих виновность и причастность Ж. к совершению преступления, осознавая при этом, что такие доказательства являются не просто недопустимыми, а фальсифицированными, зная о том, что за фальсификацию доказательств по уголовному делу об особо тяжком преступлении предусмотрена уголовная ответственности по ч. 3 ст. 303 УК РФ. Причем уголовную ответственность несут не только должностные лица, которые сфальсифицировали доказательства, но должностное лицо, которое предъявило эти доказательства суду. В этой связи следует заявить о том, что прокурор, продолжая представлять суду доказательства с фальсифицированными сведениями, уже совершил должностное преступление, подпадающее под квалификацию ч. 3 ст. 303 УК РФ. Кроме этого, такими действиями прокурор фактически подстрекает суд постановить в отношении Ж. заведомо неправосудный обвинительный*

приговор на основании фальсифицированных доказательств. И такие действия прокурора также уголовно-наказуемы, поскольку подпадают под квалификацию ч. 4 ст. 33, ст. 305 УК РФ. Сказанное позволяет стороне защите утверждать, что прокурор в настоящем судебном процессе не выполняет возложенные на него ч. 3 ст. 37, ст. 246 УПК РФ полномочия, согласно которым прокурор в ходе судебного производства по уголовному делу, поддерживая государственное обвинение, должен обеспечить его законность и обоснованность. Такая позиция стороны защиты по настоящему делу находится в тесном переплетении с решениями по данному вопросу Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П по делу «О проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ» было высказано следующее: «Осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного обвинения, прокурор, выступающий на стороне обвинения должен подчиняться предусмотренному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства (часть вторая статьи 1), следуя назначению и принципам уголовного судопроизводства, закрепленным данным Кодексом».

После вопроса председательствующего, адресованного адвокату Л., – «В отношении кого мы рассматриваем уголовное дело?», последняя продолжила заявлять ходатайство, сказав следующее: «Он обязан всеми имеющимися в его распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (статья 11), исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности (статья 14), обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту (статья 16), принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности (статья 7), в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Каких-либо положений, допускающих освобождение прокурора от выполнения этих обязанностей, УПК РФ не содержит». В связи с тем, что прокурор в настоящем судебном процессе должным образом не исполняет возложенные на него законом полномочия, с ходатайством к суду о признании доказательств обвинения недопустимыми обращается сторона защиты. В силу ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса. Такие недопустимые доказательства по настоящему уголовному делу имеются. На основании изложенного прошу признать недопустимыми доказательствами...» (адвокат Л. перечислила те доказательства, которые просила признать недопустимыми).

Далее в протоколе судебного заседания указано следующее:

«На вопросы председательствующего – защитник:

– Каким образом суду расценивать Ваше обвинение в совершении государственными обвинителем должностного преступления?

– В ходатайстве все изложено, уже ничего не добавишь.

– Суду необходимо каким-либо образом на обвинение государственного обвинителя отреагировать?

– Отдельного ходатайства суду не заявлено, заявлено ходатайство в том составе, в котором оно заявлено. Мы даем оценку, говорим о том, что святая обязанность государственного обвинителя – блюсти закон. В этом судебном процессе он надзирает за законностью. У нас приведено ходатайство на 20 листах, все подробно описано. Это очевидно для прокурора, сейчас прокурор будет говорить какой-то отзыв по поводу ходатайства, оглашаться с ним. Возможно, прокурор встанет и скажет наконец-то: поддерживаю.

– Как суду рассматривать ходатайство, как одно или как два ходатайства?

– У нас одно ходатайство и просительная часть об исключении доказательств в связи с их недопустимостью.

– Каким образом суду расценивать Ваше обвинение в совершении государственными обвинителем должностного преступления?

– На усмотрение суда, отдельные ходатайства по этому поводу не заявляются. Мы в каком формате изложили сведения, в таком они и есть.

– Правильно ли я понимаю, что суду необходимо это воспринимать, как Вашу позицию по делу?

– Да, как позицию, как несогласие.

– Вопросов нет».

Из обращения заявителя – судьи П. городского суда П. области М. следует, что в отношении адвоката Л. выдвигаются дисциплинарные обвинения в том, что она, выступая в судебных прениях, «проявляя неуважение к государственному обвинителю Г., также допустила неоднократные некорректные высказывания в ее адрес, обвиняя прокурора в совершении должностных преступлений и оценивая ее профессиональную пригодность», а кроме того, допустила ряд некорректных высказываний, заявляя ходатайство об исключении ряда доказательств.

Адвокат Л., не соглашаясь с выдвинутыми дисциплинарными обвинениями, указывала, что она активно отстаивала права своего доверителя, что, безусловно, раздражало суд. Заявитель ранее уже обращалась в Адвокатскую палату города Москвы в отношении адвоката Л. в связи с рассмотрением этого уголовного дела. Каких-либо высказываний, умаляющих честь и достоинство участников судопроизводства, она не допускала.

Давая оценку выдвинутым дисциплинарным обвинениям, Совет руководствуется положениями пп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым жалоба, представление, обращение в отношении адвоката должны, помимо прочего, содержать указание на

конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу адвоката.

Вместе с тем, выдвинутые в отношении адвоката Л. дисциплинарные обвинения в том, что она, выступая в судебных прениях, «проявляя неуважение к государственному обвинителю Г., также допустила неоднократные некорректные высказывания в ее адрес, обвиняя прокурора в совершении должностных преступлений и оценивая ее профессиональную пригодность», сформулированы заявителем исключительно в общем виде, то есть не содержат никаких указаний на то, какие именно высказывания, нарушающие, по мнению заявителя, Кодекс профессиональной этики адвоката, допускались адвокатом Л. при выступлении в прениях. Речь адвоката Л. в прениях содержится на 98 листах, а в представленном заявителем протоколе судебного заседания не выделены места, отражающие, по мнению заявителя, недопустимые высказывания адвоката Л. Совет подобных высказываний также не усматривает.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката Л. в данной части не опровергнута.

Давая оценку высказываниям адвоката Л., сделанным в ходе заявления ею ходатайства об исключении доказательств в судебном заседании П. городского суда П. области 05 сентября 2024 года, Совет отмечает, что положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в частности, на заявление ходатайств.

При отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность: заявлять многочисленные ходатайства, возражения на действия председательствующего и так далее. Однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса

профессиональной этики адвоката, поскольку такие способы реализации адвокатом процессуальных прав предусмотрены процессуальным законодательством (см., например, п. 1 *Обзора дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с публичным (в том числе протестным) поведением адвоката при осуществлении профессиональной деятельности, а также в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»*, опубликованного для всеобщего сведения на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <<https://www.advokatymoscow.ru/>>, а также Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С. 192-193).

Согласно п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

При этом формирование тактики и стратегии обоснования защитительной позиции во всех случаях относится к исключительной компетенции самого адвоката, который по своему статусу, закрепленному законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Тактика отстаивания интересов доверителя определяется адвокатом с учетом конкретных обстоятельств дела и собранных доказательств. Самостоятельное и независимое толкование закона также является неотъемлемым правом адвоката как независимого советника по правовым вопросам.

Критической оценке со стороны органов адвокатского самоуправления в процедуре дисциплинарного производства могут быть подвергнуты только такие нарушения адвокатом норм законодательства, которые свидетельствуют о неисполнении адвокатом профессиональных обязанностей или о наступлении негативных публично-правовых последствий.

В соответствии с ч. 2 ст. 88 УПК РФ в случаях, указанных в части второй статьи 75 УПК РФ, суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым. Согласно ч. 1 ст. 235 УПК РФ стороны вправе заявить ходатайство об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, любого доказательства.

При рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований настоящего Кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на

прокуроре. В остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство (ч. 4 ст. 235 УПК РФ).

В силу ч. 3 и 4 ст. 37 УПК РФ в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Прокурор вправе в порядке и по основаниям, которые установлены настоящим Кодексом, отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения. Согласно ч. 5 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания.

Адвокат Л. в ходе дисциплинарного производства ссылалась на то, что, по ее мнению, имелись явные признаки фальсификации доказательств обвинения по уголовному делу, но прокурор, обязанный соблюдать законность, продолжил их представление в подтверждение виновности ее доверителя. Именно на это адвокат Л. пыталась обратить внимание суда, отмечая, что не обращается с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении государственного обвинителя. Это была оценка действий прокурора «в контексте анализа доказательств по уголовному делу».

При таких обстоятельствах Совет признает, что адвокат Л., безусловно, имела право обращать внимание суда и стороны обвинения на совершенную, по ее мнению, лицами, производившими предварительное расследование, фальсификацию доказательств по данному уголовному делу, а также заявить ходатайство об исключении этих доказательств как полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона. Адвокат Л. также была вправе рассчитывать на соответствующую реакцию на ее заявление о фальсификации доказательств со стороны государственного обвинителя, на которого уголовно-процессуальным законом возложена обязанность по обеспечению законности и обоснованности предъявленного обвинения. Поэтому обращение адвокатом Л. внимания на неисполнение им этой обязанности также являлось допустимым и уместным. При этом соответствующие высказывания сделаны адвокатом Л. в корректной форме с соблюдением норм и правил делового общения.

Таким образом, ни факт заявления адвокатом Л. 05 сентября 2024 года в судебном заседании ходатайства об исключении ряда доказательств, ни содержание этого ходатайства не были направлены на дезорганизацию судебного разбирательства, не нарушали требований уголовно-процессуального закона, а также профессиональной этики и не свидетельствовали о проявлении неуважения к суду.

Кроме того, Совет отмечает, что дисциплинарные обвинения в совершении адвокатом действий, свидетельствующих об умалении чести и достоинства государственного обвинителя, вправе выдвигать только это лицо. Обвинение в умалении чести и достоинства иных (кроме суда)

участников судебного разбирательства направлено на защиту прав и достоинства именно этих иных участников, а не суда. Таким образом, суд (судья) не является надлежащим заявителем по данному основанию. При этом каких-либо жалоб в Адвокатскую палату города Москвы от государственного обвинителя по указанному уголовному делу не поступало, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) по обращению (частному постановлению) судьи П. городского суда П. области М. от 21 марта 2025 года (вх. № ...):

в части доводов об умалении адвокатом чести и достоинства государственного обвинителя – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков